

УДК 82.09:82 – 343:82-1»193/194»

ОСОБЕННОСТИ МИФОПОЭТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ В ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ О ТРЕТЬЕМ РЕЙХЕ В КОНТЕКСТЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Бильченко А.А., к. филол. н., доцент

Классический частный университет, ул. Жуковского, 70-б, г. Запорожье, Украина

anne-bilchenko@yandex.ru

В статье рассматриваются особенности функционирования мифопоэтического пространства и времени в контексте литературных произведений о Третьем рейхе, посвященных периоду Второй мировой войны. Обращение к традиционной мифосимволике с целью смыслового наполнения произведения и его структурного моделирования является одной из ключевых стратегий текстопорождения и соответствует мифогенной природе военного конфликта. Мифопоэтическое пространство в произведениях о Третьем рейхе характеризуется широким использованием бинарных оппозиций для организации топографического материала. Мифопоэтическое время инкорпорирует традиционные мифологические мотивы эсхатологии и сакрализации событий прошлого в рамках циклической структуры.

Ключевые слова: литературный миф, военный миф, хронотоп.

ОСОБЛИВОСТІ МІФОПОЕТИЧНОГО ПРОСТОРУ І ЧАСУ В ЛІТЕРАТУРНИХ ТВОРАХ ПРО ТРЕТІЙ РЕЙХ У КОНТЕКСТІ ДРУГОЇ СВІТОВОЇ ВІЙНИ

Більченко А.А.

Класичний приватний університет, вул. Жуковського, 70-б, м. Запоріжжя, Україна

У статті розглядаються особливості функціонування мифопоетичного простору і часу в контексті літературних творів про Третій рейх, присвячених періоду Другої світової війни. Звернення до традиційної мифосимволики з метою змістового наповнення твору і його структурного моделювання є однією з ключових стратегій текстотворення і відповідає мифогенній природі военного конфлікту. Мифопоетичний простір у творах про Третій рейх характеризується широким використанням бинарних оппозицій для організації топографічного матеріалу. Мифопоетичний час інкорпорує традиційні мифологічні мотиви есхатології та сакралізації подій минулого в рамках циклічної структури.

Ключові слова: літературний миф, воєнний миф, хронотоп.

SPECIFIC FEATURES OF MYTHPOETIC SPACE AND TIME IN LITERARY FICTION COVERING THE THIRD REICH DURING THE SECOND WORLD WAR

Bilchenko A.A.

Classic Private University, Zhukovsky str., 70-b, Zaporizhzhya, Ukraine

The application of traditional (archaic) mythology in war oriented literary fiction is called for regarding the nature of the war as a cultural phenomenon which stimulates myth-making by deploying archetypal complexes. Traditional myth provides an author with semantic and structural material facilitating the depiction of a military conflict, which is essential in covering the Second World War, itself a powerful source of contemporary mythology. Works of fiction portraying the events and personas of the Third Reich during the aforementioned period enjoy a widespread popularity among readers and correspond to the continuing academic interest in historical and cultural aspects of Germany under the rule of Adolf Hitler. Myth and poetic space in context of the Third Reich oriented prose relies upon the mythological binary oppositions in rendering the ties between specific regions (e.g. the enemy territory and the friendly territory), as well as in reapplying the archaic vertical structure of mythological space (e.g. Hitler's bunker as a metaphorical image of an underworld). The images of a labyrinth or a geographical map serve as structural models for organizing the space within a work of fiction. Mythpoetic time in literary works covering the Third Reich during the war period is cyclical and providential in its nature, drawing on historical allusions (e.g. the comparison between Hitler and Napoleon, including the latter's personality cult and military defeats foreboding the imminent fall of National Socialist Germany), sanctifying the past events (e.g. Germany's success at the early stages of the war), and thus constructing an integrative picture of the country's past in its connection with the present and the future.

Key words: literary myth, war myth, chronotope.

Художественная литература о войне и, в частности, Второй мировой войне как наиболее масштабном вооруженном конфликте в истории человечества является одновременно и мифогенной, и мифосодержащей. Н. Ищенко, выделяя основные способы мифологизации войны, указывает на возможность создания военной мифологии как «снизу» (солдатский фольклор), так и «сверху» (официальная идеология, журналистские клише, литература, кинематограф и т.п.), отдельно отмечая в качестве условия создания живого мифа потребность в нем общества и чувствительность автора, объединяющего этическую ценность события с эстетической ценностью произведения [1, с. 36–37]. Различными являются и средства вербальной кодировки исторического материала, в числе которых особого внимания заслуживает обращение к традиционной мифосимволике как источнику смыслового наполнения литературного произведения через актуализацию универсальных архетипических комплексов [1] и структуре архаического мифа как актуальной модели текстопорождения и приему композиции.

Данная статья посвящена раскрытию особенностей функционирования мифопоэтического хронотопа в литературных произведениях о Третьем рейхе, связанных тематически с периодом Второй мировой войны. Повышенный общественный интерес к немецкой стороне конфликта подтверждается как наличием обширной аудитории, нацеленной на ознакомление с художественными произведениями о личностях и событиях в рейхе, так и числом научных исследований, посвященных всему многообразию аспектов существования национал-социалистской Германии. Следует отметить, что именно немецкая сторона конфликта подверглась наибольшей мифологизации в общекультурном контексте, чему в немалой степени способствовало непосредственное обращение национал-социалистских деятелей к мифу в целях создания идеологии и последующего закрепления мировоззренческих констант. Материалом для статьи послужили: документальный роман чехословацких журналистов Душана Гамшика и Иржи Пражака «Бомба для Гейдриха» (1963); романы Юлиана Семенова «Семнадцать мгновений весны» (1969) и «Альтернатива» (1974); роман Николая Вирты «Кольцо Луизы» (1971); документальный роман Овидия Горчакова «От Арденн до Берлина» (1988); трилогия Елены Съяновой «Плачь, Маргарита» (2002), «Гнездо орла» (2004) и «Каждому свое» (2004). Выбор произведений, принадлежащих к популярной («массовой») литературе, связан с их типологическими особенностями, предполагающими высокую степень мифопоэтичности и более точную, свободную от крайностей субъективного мифотворчества, передачу ключевых констант текущей идеологической парадигмы.

Мифопоэтическое пространство в литературных произведениях о Второй мировой войне наделено особенностями, продиктованными объектом изображения. Война как явление, обладающее свойствами хаотичного и, следовательно, противоположное упорядоченности, требует осуществления членения пространства, в том числе по оппозиционному признаку: традиционное противопоставление освоенного и неосвоенного пространства, характерное для космогонических мифов, может принимать форму оппозиции «завоеванные – незавоеванные земли», когда освоение новых областей, предполагающее познание, «канонизацию» топографического материала, проходит в рамках квеста (сакрального путешествия), конечной целью которого является победа как движение к определенной точке, выступающей аналогом сакрального центра в архаической мифологии, а промежуточной целью – завоевание, «присвоение» чужих земель, либо освобождение собственных территорий от врага (ср.: национал-социалистские идеологемы «Lebensraum» («Жизненное пространство»), «Drang nach Osten» («Натиск на Восток») и советский лозунг «На Берлин!»).

Зависимость способов членения и осмысления пространства от особенностей советской идеологической системы и ее ценностных установок иллюстрирует документальный роман «Бомба для Гейдриха» [2], повествующий о покушении на жизнь Рейнхарда

Гейдриха, начальника Главного управления имперской безопасности и рейхспротектора Богемии и Моравии, которое было предпринято силами чешского сопротивления в 1942 г. Мифологический дуализм в восприятии определенных областей как «своих» и «чужих» (благоприятных и неблагоприятных) находит отражение в советской мифологеме «заграница», предполагающей четкое этическое разделение Востока и Запада: последний наделяется негативными коннотациями, которым способствует и другой немаловажный признак – принадлежность персонажей к определенному классу общества.

К тому же Моравец [начальник военной разведки чехословацкого министерства национальной обороны, находящегося в Лондоне] располагал значительными финансовыми средствами разведывательного фонда, которые он разместил еще до крушения республики в нескольких зарубежных банках. Например, только в Париже он имел вклад в полмиллиона швейцарских франков.

Горстка иностранных [западных] корреспондентов, аккредитованных в Берлине, отнюдь не торопилась к телефонам и телетайпам. <...> Не приступали корреспонденты и к описанию сегодняшней траурной церемонии, – ведь куда лучше дождаться официального коммюнике, пару слов добавить, пару вычеркнуть, изменить в одном-другом месте стиль – и готово [2].

Действия персонажей, осуществляющих членение пространства, подаются с помощью вербального инструментария, характерного для советской идеологии, – к примеру, в терминах дискурса колониализма как источника смысловых параллелей с захватническими устремлениями национал-социалистской Германии:

С октября 1939 г. мать польских рек была переименована в Вейхзель, а вся польская земля – в генерал-губернаторство, хотя это и звучит не совсем по-немецки. Немецкое название побежденной Польши почерпнуто из французского словаря, а его содержание – из французской колониальной политики.

В эту ночь долго совещались о том, какое название подобрать для чешской земли, чтобы оно как можно точнее обозначало будущее подчиненное положение этой страны по отношению к третьему рейху. Гитлера тогда заинтересовало предложенное Риббентропом французское название «протекторат». <...> И вот утром 16 марта он [Гитлер] подписал в Градчанах декрет об образовании «протектората Чехии и Моравии», который в большинстве пунктов просто копировал французский колониальный договор [2].

Смыслорождающий аспект мифопоэтического пространства сохраняется и в тех случаях, когда структура самого пространства используется для описания и оценки явлений, не имеющих прямых топографических соответствий. В романе «Бомба для Гейдриха» при сопоставлении Гейдриха и лидера коммунистического сопротивления используются различные типы этически маркированных оппозиций, связанных с символикой верха-низа: Гейдрих как находящийся на «вершине» социальной иерархии противопоставляется лидеру сопротивления как представителю общественных «низов».

На расстоянии ружейного выстрела от окна протектора Гейдриха в пустынном Ледебургском парке во мраке стоит человек, о котором Гейдрих не знает ничего. <...>

Человек в Граде – шеф сотысячного полицейского аппарата.

Человек, который стоит там, внизу, – один из руководителей сотысячной армии бойцов Сопротивления [2].

Для романа в целом характерно нетрадиционное использование «низа» в качестве символа положительного, народного: описание «более высокого, чем остальные» кресла Гитлера предполагает негативные ассоциации («возвышение» над собеседником), а попытка

предателя чешских партизан, Карела Чурды, укрыться от полиции на чердаке дома его матери противопоставляется местонахождению самих партизан, нашедших тайное убежище в подвале храма. Более традиционная для архаических мифосистем оппозиция «свет божий – подземный лабиринт» присутствует в случае гитлеровского бункера: *13 часов 15 минут по имперскому времени – это время обеда фюрера, когда на свет божий выходят высокопоставленные обитатели подземного лабиринта [2].*

Другим примером использования традиционных мифологем для организации мифопоэтического пространства выступает мифологема моста в романе Ю. Семенова «Альтернатива» [3]: мост как место встречи Штирлица со связными отражает диалектику перехода, функционируя в качестве связующего звена между «своими» и «немцами» [3, с. 242–245].

Одним из ключевых компонентов мифопоэтического пространства в литературных произведениях и фильмах, посвященных последним годам существования Третьего рейха, является бункер Гитлера, как правило, берлинский. Мифологема бункера – комплексное образование, обладающее высоким потенциалом концентрации и упорядочения сопряженных смыслов. Сакрально-демонический аспект присутствия в бункере вождя немецкой нации, его местоположение под землей, камерность и защищенность от воздействий из внешнего мира, – эти и другие особенности мифологемы предоставляют широкие возможности для актуализации традиционной мифологии. Примером данного процесса может служить использование эсхатологических мотивов в романе Е. Съяновой «Каждому свое» [4]: метафорическое сопоставление бункера с «могилой» сопровождается контекстными импликациями схождения в подземный мир (царство мертвых), тем самым предвещая скорую гибель рейха.

Зато на втором, нижнем «этаже» [бункера] было тихо и надежно, как в могиле. Здесь [Роберт] Лей и проспал мертвым сном остаток дня и всю ночь на 20 апреля... [4, с. 14].

Другой метафорой, применимой к бункеру, является лабиринт [2], функционирующий в качестве контекстуальной схемы мифопоэтического пространства. Подобной схемой может выступать и географическая карта, отражающая свойственное традиционной мифологии тождество части целого с самим целым, а именно: знака-символа и стоящего за ним концепта. Карта Европы, представленная в романе «Альтернатива» [3, с. 9], несет идеологическую нагрузку, так как изображенные на ней Англия и СССР не могут оспорить доминирование гитлеровской части Европы: Англия показана «жалостно и одиноко», СССР – «белым, бездорожным пространством». Немецкое восприятие изолированности, беспомощности Англии и непознанности, нецивилизованности СССР фиксируется изобразительными средствами, привнося компонент мифопоэтики в топографию.

Мифопоэтическое время в литературных произведениях о Второй мировой войне отличается такими чертами, как цикличность и провиденциальность. Антропоцентрическое восприятие истории, представление о смысловой наполненности и конечности исторического процесса находят отражение в актуализации и сакрализации событий прошлого, в том числе национального: в советском мифопоэтическом дискурсе, к примеру, нередко проводятся параллели между Гитлером и Наполеоном на основании масштабности захватнических планов, постулируемого полководческого гения (в случае Гитлера обычно мнимого) и исторических поражений наполеоновских армий, предрекающих военным силам Третьего рейха подобную судьбу. В документальном романе О. Горчакова «От Арденн до Берлина» [5] содержится несколько упоминаний о Наполеоне как объекте для сравнений:

...[генерал-лейтенант Кортни] Ходжес был тихоней-скромником, не изображал из себя Наполеона или Вашингтона, не пыжился, не орал, не ругался, а воевал вполне прилично, хотя провалил экзамены на первом курсе военной академии Вест-Пойнта.

Вот она, интуиция гения [Гитлера], заткнувшего за пояс Наполеона! [5].

Традиция сопоставления Гитлера и Наполеона отражена и в современных литературных произведениях о Третьем рейхе, к числу которых принадлежит роман «Каждому свое»:

...Гитлер все продолжал улыбаться:

– Я неделю назад знал, что еще увижу вас. И вот – жму вашу руку! Как бы там ни было, а до пятого мая надеюсь дожить. Это день смерти Наполеона. Знаете, европейцы ведь так его и не поняли. Как не поняли они и меня [4, с. 71].

Сознательная имитация Наполеона Гитлером, вплоть до отсутствия у вождя немецкой нации большого количества наград, приобретает черты сакрального поклонения предкам для обретения необходимого качества (гений полководца) или достижения искомой цели (власть над Европой и миром). В то же время Гитлер ставит себя выше Наполеона [5], что нарушает временное тождество и угрожает военной катастрофой ввиду переоценки своих сил.

Новому критическому осмыслению установки национал-социалистской идеологии на воссоздание «культы предков» способствуют мотивы «реинкарнации», переселения душ, используемые в общем культурном контексте Второй мировой войны. Жанровая парадигма послевоенного времени, для которой характерно наличие произведений с элементами фантастического, позволяет превзойти двойственность метафоры и добиться ее «овеществления»: в качестве примера можно привести сюжет популярной компьютерной игры «Return to Castle Wolfenstein» (2001) [6], согласно которому рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер «организовывает» физическое перевоплощение короля Генриха I. Связь фигуры Гиммлера с оккультизмом, магией и ритуалами, культивируемая «массовой» литературой, кинематографом и телепрограммами, также имеет временной аспект, раскрытый в романе Е. Съяновой «Гнездо орла» путем условного помещения рейхсфюрера в эпоху Средневековья [7, с. 70–72]: историческое прошлое при этом наделяется сакральным характером, соприсутствуя в настоящем времени и взаимодействуя с ним.

...Этой ночью, прохаживаясь по галереям замка Шуленбургов, Гиммлер наслаждался самую атмосферой, царящей под его сводами: запахом сырого камня, дуновениями каких-то ветров, загадочными звуками, точно вырывающимися порою из-под каменных плит... Если бы вышло сейчас ему навстречу привидение, Генрих, пожалуй, озаботился бы лишь тем, как бы его не напугать.

Он запретил охране следовать за собою. Он был один и ощущал себя медиумом, призванным соединить ушедший мир былого величия с рождающимся миром будущего величия СС [7, с. 72].

Мифологическое представление о цикличности времени находит отражение как в фактическом обращении к прошлому, так и в попытках моделирования будущих событий. В романе «Бомба для Гейдриха» постулируется предопределенность покушения на Гейдриха в связи с его собственным декретом, одобрявшим проведение жестоких репрессивных мер и принятым им сразу же по прибытии в Прагу:

Мог ли он [Гейдрих] предчувствовать тогда, что второй раз декрет этот будет применен после покушения на него самого? [2].

«Овеществление» вербального в романе также наблюдается в случае имплицитной игры слов: начало войны с ошибочного указания Гитлером времени «нападения» поляков на немцев проецируется на ее конец – «ошибку», поражение Германии. Сюда же можно отнести и провиденциальный характер последних слов осужденных немцами чехов («Да здравствует лучшая Германия!» [2]), также увязанных с будущим окончанием Второй мировой. Роман Е. Съяновой «Плачь, Маргарита», первый из трилогии, посвященной исторической судьбе Третьего рейха, содержит имплицитные указания на парадигматический характер немецкой истории в целом:

...но вот бедная наша Германия, похоже, из века в век переживает одно и то же [8, с. 104].

Сами немцы, апеллируя к возможности переломить ход войны, используют отсылки к сакрализованным событиям недавнего прошлого, в частности к речи Гитлера, провозглашенной в феврале 1945 г., которая художественно отображена в романе Ю. Семенова «Семнадцать мгновений весны».

Мы сейчас стоим на границах августа 1938 года. <...> Наша ненависть страшна, а воля к победе неизмерима. Так я спрашиваю вас: неужели мы не выиграем мир путем войны? [9, с. 24].

Мотивы детерминизма в отношении событий будущего связаны и с упоминанием «пророческой» надписи на ошейнике Блонди в романе Н. Вирты «Кольцо Луизы» («Оставь меня всегда при себе...»): после смерти Гитлера его тело было сожжено в той же воронке, где находился труп его любимой овчарки [10, с. 252]. Подобное манипулирование временем [2; 7–10], предполагающее актуализацию предшествующих событий и достижений, направлено на построение единой картины исторической действительности.

Таким образом, мифопоэтическое пространство и мифопоэтическое время в произведениях о Третьем рейхе в контексте Второй мировой войны служат цели воссоздания единства и универсальности традиционной мифологии путем ее структурно-семантической реконструкции. К числу наиболее распространенных приемов организации мифосодержащего литературного текста в аспекте хронотопа относятся мотивы космогонии и эсхатологии, обращение к сакрализованному национальному прошлому, использование исторических параллелей в рамках актуализации ритуалистического комплекса вечного повторения. Мифопоэтическое пространство в рассмотренных произведениях строится по принципу бинарных оппозиций, тем самым отражая антагонистический характер войны как таковой. Мифопоэтическое время обладает свойствами цикличности и провиденциальности, сообщая парадигматичность историческим событиям. Структура мифопоэтического пространства и времени также может транспонироваться на явления, непосредственно не связанные с хронотопом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ищенко Н. А. Перо сильнее, чем клинок... Мифология Крымской войны 1853–1856 годов в литературе Великобритании второй половины XIX века / Н. А. Ищенко. – Симферополь : Симферопольская городская типография, 2007. – 324 с.
2. Гамшик Д. Бомба для Гейдриха / Д. Гамшик, И. Пражак. – [Электронный ресурс]. – М. : Политиздат, 1965. – Режим доступа : <http://www.e-reading.link/book.php?book=1007095>.
3. Семенов Ю. С. Альтернатива // Соч. : в 8 т. / Ю.С. Семенов. – М. : МШК МАДПР; ДЭМ, 1991. – Т. 2 : Политические хроники [1941]. – С. 5–484.

4. Съянова Е. Каждому свое / Е. Съянова. – М. : ОЛМА-ПРЕСС ; Звездный мир, 2004. – 472 с.
5. Горчаков О. А. От Арденн до Берлина / О. А. Горчаков. – [Электронный ресурс]. – М. : Советский писатель, 1988. – Режим доступа : http://militera.lib.ru/prose/russian/gorchakov_0a3/index.html.
6. Return to Castle Wolfenstein (Video Game, 2001). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.imdb.com/title/tt0289421>.
7. Съянова Е. Гнездо орла / Е. Съянова. – М. : ОЛМА-ПРЕСС ; Звездный мир, 2004. – 474 с.
8. Съянова Е. Плачь, Маргарита / Е. Съянова. – М. : ОЛМА-ПРЕСС ; Звездный мир, 2004. – 576 с.
9. Семенов Ю. С. Семнадцать мгновений весны / Ю.С. Семенов. – М. : АСТ ; Олимп, 2008. – 284 с.
10. Вирта Н. Е. Кольцо Луизы : Повести // Кольцо Луизы ; Катастрофа : Повести / Н. Е. Вирта. – М. : Вече, 2008. – 480 с.

REFERENCES

1. Ishchenko, N. (2007), *Pero silneie, chem klinok... Mifologiiia Krymskoi voiny 1853–1856 godov v literature Velikobritaniyi vtoroi poloviny XIX veka* [The Pen is Mightier than the Sword... Mythology of the Crimean War of 1853–1856 in the Literature of Great Britain of the 2nd Half of the 19th Century], Simferopolskaia gorodskaia tipografiia, Simferopol, Ukraine.
2. Hamšík, D. and Pražák, J. (1965), *Bomba dlia Geidrikha* [Bomb for Heidrich], available at : <http://www.e-reading.link/book.php?book=1007095> (access December 24, 2014).
3. Semionov, Ju. S. (1991), *Alternativa* [The Alternative], Collected works in 8 volumes, Vol. 1 : *Politicheskie khroniki* [1941], pp. 5–484, MSHK MADPR, DEM, Moscow, Russia.
4. Sianova, E. (2004), *Kazhdomy svoie* [Suum cuique], OLMA-PRESS, Zviezdnyi mir, Moscow, Russia.
5. Gorchakov, O. A. (1988), *Ot Ardenn do Berlina* [From Ardennes to Berlin], *Sovetskii pisatel*, Moscow, Russia, available at : http://militera.lib.ru/prose/russian/gorchakov_0a3/index.html (access December 24, 2014).
6. *Return to Castle Wolfenstein* (Video Game, 2001), available at : <http://www.imdb.com/title/tt0289421> (access December 24, 2014).
7. Sianova, E. (2004), *Gnezdo orla* [The Eagle's Nest], OLMA-PRESS, Zviezdnyi mir, Moscow, Russia.
8. Sianova, E. (2004), *Plach, Margarita* [Cry, Margaret], OLMA-PRESS, Zviezdnyi mir, Moscow, Russia.
9. Semionov, Ju. S. (2008), *Semnadsat mgnovenii vesny* [Seventeen Moments of Spring], AST, Moscow, Russia.
10. Virta, N. E. (2008), *Koltzo Luizy : Povesti* [Luisa's Ring : Novels], Koltzo Luizy, *Katastrofa : Novels*, Vechе, Moscow, Russia.